

Михаил Волконский

Две жизни

Михаил Волконский

Две жизни

«Public Domain»

1914

Волконский М. Н.

Две жизни / М. Н. Волконский — «Public Domain», 1914

«В середине июня 1789 года, когда императрица Екатерина II вместе со своим двором находилась в Царском Селе в летней резиденции, произошло обстоятельство, не отмеченное в исторических летописях и оставшееся совершенно неизвестным, но тем не менее имевшее некоторое влияние на ход событий последних лет царствования великой императрицы...»

© Волконский М. Н., 1914

© Public Domain, 1914

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Волконский

Две жизни

Часть первая

Глава первая

I

В середине июня 1789 года, когда императрица Екатерина II вместе со своим двором находилась в Царском Селе в летней резиденции, произошло обстоятельство, не отмеченное в исторических летописях и оставшееся совершенно неизвестным, но тем не менее имевшее некоторое влияние на ход событий последних лет царствования великой императрицы.

Давно уже доказано, что наряду с так называемой официальной историей, несомненно, существует неофициальная, тайная, сплетающаяся из целого ряда интриг и отношений, разгадать и открыть которые представляется возможным лишь спустя многие годы. И сколько раз подобные открытия давали вдруг совершенно неожиданно объяснения явлениям, казавшимся случайными, и соединяли эти казавшиеся случайными явления в последовательную и логически развивающуюся цель.

Есть, например, серьезные исторические данные к тому, чтобы считать, что душою переворота 1762 года, возведшего на русский престол принцессу Ангальт-Цербстскую, супругу императора Петра III, Екатерину, был известный граф Сен-Жермен, оставивший на западе Европы по себе память как исключительный человек, владевший тайнами природы и располагавший поразительной, чуть ли не волшебной силой.

Граф Сен-Жермен был в Ангальт-Цербсте другом матери Екатерины и в 1762 году был в России под именем пьемонтца Одара, жившего на маленькой мызе, на месте, где возникло потом Царское Село с его великолепным дворцом и парком. На той мызе, в помещении, занимаемом пьемонтцем Одаром, происходили все совещания съезжавшихся сюда секретно участников переворота 1762 года. Очевидно, граф Сен-Жермен руководил ими, и они знали, кто скрывается под скромным именем пьемонтца.

До нашего времени дошел список всех получивших награды при восшествии на престол Екатерины II. В нем помечены все, так или иначе способствовавшие этому «действию», как выражались тогда, и один только пьемонтец Одар не упомянут.

Подобный пропуск, разумеется, не может быть случайным, так как Одар являлся слишком деятельным лицом и его слишком хорошо знали все главари заговора. Знала его лично и сама Екатерина.

Сен-Жермен, действовавший под именем Одара, не получил награды за свои труды, потому что был единственным, исключительным человеком, не нуждающимся ни в чем из того, что могла дать даже такая всемогущая государыня, как Екатерина. В самом деле, она могла предоставить ему почести, власть, деньги, и только. Для огромного большинства и почести, и власть, и деньги являлись неудержимым соблазном, но для Сен-Жермена ни то, ни другое, ни третье не представляло цены, потому что он решительно не нуждался ни в том, ни в другом, ни в третьем. Почет у него был в силу его огромных знаний, которые давали ему дружбу коронованных особ и ставили его выше всех приближенных слуг и подчиненных государей. В то

время как придворные искали перед властителем, сами эти властители не прочь были искать расположения такого человека, как граф Сен-Жермен. Власти ему было не дано, потому что он, опять-таки в силу своих знаний, мог владеть волею других людей, то есть обладал такой властью, позавидовать которой мог и король. Наконец, в деньгах он не нуждался, потому что, как говорили, обладал секретом «философского камня», то есть мог превращать, любой металл в золото, а простой уголь – в чистейшей воды бриллиант.

Правда, подлинных доказательств этого его искусства не сохранилось, и сам Сен-Жермен никогда положительно не утверждал, что ему известен «философский камень», творящий такие чудеса. Но вместе с тем он никогда и не отрицал этого, а когда ему предлагали денег – доставал из кармана горсть самоцветных камней и спокойно говорил:

– Согласитесь, что тому, у кого полон карман драгоценностей, деньги не нужны.

И действительно, карманы у него всегда были полны драгоценностями.

Кроме всего этого граф Сен-Жермен обладал огромною памятью и хранил в ней многие исторические подробности с такою ясностью, как будто сам присутствовал при них. Что же касается будущего, то оно, по-видимому, для него было так же ясно, как прошедшее, и он читал в нем так же свободно, как в любой самой обыкновенной книге.

Таким образом, чем могла наградить и что была в силах дать подобному человеку императрица Екатерина, которой он помог взойти на престол, руководя ее сподвижниками?

А что именно он руководил, то об этом сохранилось, как исторический факт, свидетельство одного из этих сподвижников, графа Алексея Орлова, который, проживая за границей после смерти императрицы Екатерины, в царствование уже Павла Петровича, встретив при одном из маленьких германских дворов графа Сен-Жермена, отнесся к нему чрезвычайно почтительно и в присутствии большого придворного кружка открыто назвал его «отцом переворота 1762 года».

Но кто знал, когда в свое время приезжал в Россию граф Сен-Жермен, что его приезд будет иметь столь значительные последствия?

Вот точно так же и обстоятельство, случившееся в середине июня 1789 года, прошло совершенно незамеченным, и только посвященные знали, что оно может быть чревато последствиями.

Обстоятельство же это заключалось в том, что в поздний час сумеречно-белой петербургской июньской ночи в Царское Село въехала большая, запряженная четвериком цугом карета, так называемый дормез, с увязанными на ней чемоданами, сундуками и баулами и была остановлена у заставы, где досмотр производился особенно строго, потому что двор в это время находился тут, в Царском.

II

В этой карете сидел высокий, худой старик с гладко выбритым, несмотря на сделанное, видимо, далекое путешествие, лицом, в парике и в одежде по старой французской моде и в плоской треугольной шляпе. Цвет его одежды был очень скромный – темно-коричневый, никаких богатых украшений на нем не было видно и вообще ничего роскошного, бьющего в глаза.

Высочивший из караульного помещения сержант с фонарем подошел к дверце кареты, и сейчас же к нему протянулись оттуда бумаги, удостоверявшие личность прибывшего. Эти бумаги, очевидно, были в полном порядке, потому что сержант, взглянув на них, сейчас же махнул в сторону спущенного шлагбаума; последний поднялся, и карета двинулась, закачавшись вновь своим тяжелым кузовом.

Сержант вернулся в караульное помещение и отметил в книге, куда заносились фамилии всех пропущенных через заставу: «Доктор Август Герман».

Этот проехавший в огромной карете доктор, судя по ее виду, очевидно, сделал большое путешествие и приехал не иначе как из-за границы. Не говоря уже о самом докторе – несомненно иностранце, – все окружавшее его обличало в полном смысле слова иноземщину.

Однако сидевший в ливрее на козлах кучер правил уверенно и бодро погонял большим бичом лошадей, видимо отлично зная дорогу.

Надобно сказать, что в то время даже и в больших городах, не исключая Петербурга, не только еще не вывешивалось название улиц, но большинство последних вовсе не имело названий, и дома только на главных артериях строились в ряд; в промежуточных же местностях возводились усадьбы с садами, огородами и службами, и, чтобы отыскать чье-нибудь жилище, человеку, незнакомому в точности с дорогой, приходилось расспрашивать прохожих, заходить в лавочки или стучать в чужие окна. То же самое происходило и в Царском, где тогда был полный хаос в распределении домиков и дач.

Однако карета доктора Германа катилась без остановок, уверенно поворачивая; видимо, кучер ее отлично разобрался в лабиринте замерших в ночной тиши закоулков.

Наконец дормез остановился у низенького домика с мезонином, ничем особенным не отличавшегося от прочих, кроме разве несомненной опрятности содержания, видевшейся во всем. За домиком рисовались темные деревья большого и густого сада.

По первому взгляду казалось, что и этот домик, как и соседние, спал тихим сном и за его плотно затворенными ставнями царил ничем не возмущаемый покой. Но едва остановилась карета и кучер, по обычаю заграничных почтальонов, протрубил в почтовый рожок, дверь немедленно распахнулась, и двое выбежавших слуг кинулись к карете.

Полоса яркого света упала из двери на крыльцо, домик был освещен внутри. Там, очевидно, ждали приезжего. Он бодро сошел, держась необыкновенно прямо, по откинутой слугами каретной подножке и как свой человек уверенно поднялся по ступеням крыльца. Слуги последовали за ним, дверь захлопнулась, а карета двинулась дальше и исчезла за поворотом.

В прихожей домика висело на вешалке много плащей и на столе лежало много шляп.

– Все уже в сборе? – спросил доктор, кладя и свою шляпу на стол.

Но вместо того, чтобы ответить на его вопрос, слуги загородили ему дорогу и шепотом произнесли:

– Пароль для пропуска?

Доктор улыбнулся и, посмотрев на них, спросил:

– Разве вы не узнали меня?

– Пароль для пропуска! – настойчиво повторил старый слуга.

Доктор, пожав плечами, ответил:

– Ad augusta!¹

– Per augusta!² – подхватили сейчас же слуги и, расступившись с поклоном, дали дорогу.

Довольно большая комната, в которую вошел доктор Герман из прихожей, была освещена люстрой в семь восковых свечей. Посредине стоял стол, покрытый ярко-красным сукном, и за ним сидело восемь человек, одно девятое место оставалось незанятым.

При появлении доктора все поднялись, и он, сделав общий поклон, вместо приветствия произнес:

– Ad augusta!

– Per augusta! – ответили хором присутствовавшие и по знаку председателя опустили в свои кресла, а вновь прибывший занял оставшееся свободным.

– Вы привезли нам хорошие новости? – обратился председатель к доктору на французском языке.

¹ К высокому! (лат.)

² Через трудное! (лат.)

- Более чем хорошие – отличные! – ответил он.
- Вот как? Чем же вы нас можете порадовать?
- Бастилия пала!

Доктор произнес только эти два слова, но впечатление они произвели очень сильное. Все присутствовавшие приподнялись, переглянулись, и председатель взволнованно повторил:

- Бастилия, королевская тюрьма в Париже, пала. Что же это значит?

III

Бастилия была королевской тюрьмой в Париже, то есть местом заключения, куда сажали по личным приказам французских королей, по преимуществу так называемых политических преступников.

Власть во Франции была в руках слабовольного, нерешительного короля Людовика XVI, и там работал целый ряд тайных обществ, имевших целью ниспровергнуть эту власть. Вместе с тайной работой шла и открытая пропаганда, и мало-помалу начиналось то движение, которое разразилось впоследствии в ураган так называемой Великой французской революции. Первым актом этой революции и были взятие Бастилии и освобождение заключенных в ней.

Эта весть, привезенная доктором Германом, была радостно принята ожидавшими его, и, когда на вопрос председателя: «Что же может значить взятие Бастилии?» – доктор подробно объяснил, каких последствий ожидают в Париже от этого «успеха» и на что теперь можно надеяться, со всех сторон послышались выражения шумного одобрения.

- Когда же это произошло? – спросил председатель.

Оказалось, что Бастилия была взята 4 июня, а в середине этого же месяца доктор Герман уже добрался с вестью об этом в Царское Село. Ни официальных сведений, ни частных из Парижа сюда еще не пришло, и его сообщение было первым. Доктор, по-видимому, очень спешил в Россию и не терял в дороге ни минуты времени.

– Нам остается только поблагодарить вас, – сказал ему председатель, – за то, что вы не мешкая приехали к нам и первым привезли важную весть. Завтра же мы по этому поводу назначим в Петербурге торжественное заседание нашей логи и отпразднуем взятие Бастилии как международный, общий для нас всех праздник.

– Fiat!³ – сказали все присутствовавшие, и председатель три раза стукнул согнутым пальцем о стол.

- Ну, что же у вас, как идут дела? – спросил Герман.

– Все по-прежнему, – ответил председатель, – подвигаемся, но очень мало. Условия, в которых находится Россия, нельзя сравнить с тем, что может произойти во Франции.

- Дмитриев-Мамонов⁴ все еще в силе?

– Смешно сказать про него, что он «в силе»! – усмехнулся председатель. – Более слабого и бесцветного человека нельзя себе представить.

- Но все-таки при дворе он занимает прежнее место?

- Вот уже три года остается по-прежнему.

- И вы не нашли способа овладеть волею этого человека?

– Можно овладеть волею, когда есть хоть подобие ее. Но у него, безусловно, вместо воли пустое место.

- Тогда надо было давно постараться избавиться от него.

³ Да будет так! Да свершится! (лат.)

⁴ Граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (род. в 1758 году), покровительствуемый кн. Потемкиным, был назначен (в 1784 году) адъютантом к нему. Будучи при дворе, обратил на себя внимание имп. Екатерины II и до 1789 года был у нее в фаворе, однако влияния на дела государственные почти не имел.

- Так и сделано. Он влюблен в княжну Дарью Федоровну Щербатову.
- Прекрасно.
- В скором времени он сделает ей предложение и огласит свои намерения.
- Значит, дни его при дворе сочтены?
- Полагаем.
- Хорошо. А готов ли у вас ему заместитель?
- Разумеется. Мы уже давно подумали об этом.
- Подходящий человек?
- Старейшие братья долго выбирали и остановились на нем после долгих обсуждений. Он – сын одного из наших братьев, сирота, находится под нашим наблюдением.
- Брат ордена?
- Неофит и будет посвящен в первую степень, как только явится потребность выдвинуть его.
- Но можно ли положиться на него?
- По нынешним временам ни на кого нельзя положиться, но, насколько можно судить, он должен оправдать доверие: он умен, красив собою, силен физически, владеет собою и достаточно самостоятелен.
- Блестящая рекомендация, но с ним, пожалуй, будет трудно, если он попытается выйти из повиновения?
- Что делать? Безвольный и легко подчиняющийся человек, как оказывается, хуже. Вот, например, Дмитриев-Мамонов. Он подчинился, правда, слишком легко, но зато на него мог иметь влияние всякий, даже посторонний, и результат получился совершенно отрицательный.
- Хорошо. Но у вашего нового кандидата есть по крайней мере какой-нибудь недостаток, пристрастие?
- У него все недостатки, свойственные всем молодым людям: он не прочь покутить, поиграть в карты, бросить Деньги зря. От нас будет, конечно, зависеть развить в нем те или другие склонности.
- Это необходимо. Мы можем управлять человеком лишь тогда, когда владеем ключом его пороков. Он честолюбив?
- Опять-таки как всякий молодой человек его лет, обладающий мечтательным умом.
- Есть у него состояние?
- Никакого. Его отец имел большие поместья, жил очень широко, но разорился и должен был провести последнее время жизни в провинции, в глуши, где был найден нашими братьями и просвещен их светом.
- Он скончался в нищете?
- Нет, у него оставалось еще маленькое поместье, но оно было продано за долги после его смерти.
- Так что его сын вырос в хорошей обстановке?
- О да, и получил привычку к роскоши, к которой имеет врожденный вкус.
- Это очень важно. Как сказало на него в детстве влияние матери?
- Он почти не знал ее. Она умерла, когда ему было пять лет. Он – круглый сирота, даже не имеет родственников.
- Что он теперь делает?
- Служит в Конном гвардейском полку, в чине секунд-ротмистра.
- Как его зовут?
- Сергей Александрович Проворов.
- Красивая, звучная фамилия, хорошее имя! У вас составлен его гороскоп?
- О, разумеется!
- Что же ему предвещает будущее?

Председатель развернул лежавший перед ним лист бумаги с начертанным кругом, разделенным на двенадцать частей, в которых были расставлены знаки зодиака и планет, и передал доктору Герману. Тот стал внимательно рассматривать его.

IV

В то самое время как происходило тайное заседание, на котором с такою тщательностью обсуждалась судьба молодого Проворова, сам виновник его, Сергей Александрович Проворов, и не подозревая, что он был причиною столь серьезного собрания почтенных людей, занимающихся его судьбою, лежал на постели и глядел в потолок, закинув руки за голову.

Было жарко, душно. Погода стояла великолепная, и, несмотря на то что окно было открыто, дышалось тяжело и нельзя было спать. Белая северная ночь мешала своим светом и раздражала мечты, отгоняя сон.

Проворов ворочался с самого вечера, только немного задремав с самого начала, а потом все время ощущая раздражающее состояние полузабытья, при котором как будто и не чувствуешь себя, но вместе с тем сознаешь все, что происходит не столько во внешнем мире, сколько внутри себя, в себе самом.

Он лежал в отдельной офицерской комнате помещения, отведенного в нижнем этаже дворца для офицеров, приехавших на дежурство в Царское Село из Петербурга. Сегодня Проворов дежурил днем, а завтра у него было ночное дежурство. И потому он мог теперь раздеться и лечь в постель.

Но ему не спалось. Всякий раз, как попадал он в полную пестроты и движения жизнь большого двора, когда видел вокруг себя важных лакеев, придворных карлов, арапов, блестящие мундиры, приветливые, вечно улыбающиеся лица и целый цветник дам и девушек, нарядных и прекрасных, он как бы немножко сходил с ума и чувствовал себя в особенно повышенном настроении.

С самого детства, как Проворов помнил себя, его окружали роскошь и довольство, но с годами они как бы таяли, рассеиваясь, словно марево прекрасного и заманчивого видения. Много из того, что «было» и что окружало его теперь, начинало казаться не существовавшим на самом деле и сливалось с образами воображения, которые, в свою очередь, становились в воспоминаниях действительностью.

Все, что мог для Проворова сделать отец, – это прислать его из провинции в Петербург на службу и поместить, благодаря оставшимся кое-каким связям, в Конный гвардейский полк, а затем высылать небольшие суммы денег, едва-едва хватавшие на самое необходимое. По смерти отца эти присылки, конечно, прекратились, и молодой Проворов продолжал жить с прежнего, так сказать, хотя и небольшого, но все-таки размаха – делал долги, пускал в оборот кое-какие вещи да выигрывал в карты, пока везло.

В Петербурге Проворов окунулся в широкую, веселую жизнь, но она проходила для него в некоторой степени как Для зрителя, а не для участника, и полноправным человеком он не мог участвовать в ней. В то время как большинство его товарищей жило на отдельных собственных квартирах и имело целый штат слуг, он должен был довольствоваться комнатой в казармах и услугами денщика.

Он ездил на балы и на званые вечера, его охотно принимали как офицера гвардейского полка, но он всюду бывал только «гостем» и понимал, что во всей этой спокойной, богатой, уверенной в себе жизни он не более как гость, и только гость.

Когда же ему случалось попадать ко двору, в особенности при поездках на дежурства в Царское или Петергоф, то он чувствовал, что окунается как бы в розовую дымку заветных мечтаний, что все невзгоды и мелочи жизни пропадают, и он становится частицей того святыща счастья, которое льется отсюда по всей стране. И поэтому он всегда во дворце волновался

и не мог спать. А сегодня его еще особенно раздражала и дразнила жаркая, ароматная, душная белая ночь.

Теперь, лежа с закинутыми за голову руками и глядя в низкий с лепным карнизом потолок, он думал:

«Отчего иным людям удается все в жизни, а другим – ничего? Конечно, есть люди, которые, родившись в простоте, всю жизнь ничего иного не видели и так и пребывают чуть ли не в первобытном состоянии. Но ведь я-то понимаю, что такое жизнь и как надо жить, и вкус у меня, и умение не хуже, чем у многих, которые обладают средствами, дающими возможность проявлять их на деле. Ведь с детства я был приучен ко всему хорошему, и вдруг, на поди, судьба раззадорила аппетит, а ничего не дала...»

И он клял судьбу и считал, что она к нему чрезвычайно несправедлива. С чисто человеческим себялюбием он все сводил к себе, и в его мыслях выходило так, что вся природа как будто только и должна была заниматься им одним.

А разве и в его положении невозможно было вдруг невероятное, прямо сумасшедшее счастье?

И Проворов стал мечтать, увлекаясь картинками этого счастья, которые сейчас же стала рисовать ему услужливая фантазия. Он мог очень легко быть избранным, так же вот хоть, как Дмитриев-Мамонов. Что же, в сущности, Дмитриев-Мамонов? Ничего, самый обыкновенный человек, как и сам он, Сергей Проворов. И почему не он на месте Мамонова? Ведь фамилия Проворовых ничуть не хуже Мамоновых, будь они хоть десять раз Дмитриевыми... Да что, наконец? Разве Дмитриев-Мамонов вечен? Мало ли было их и менялось? Салтыков, Орлов, Потемкин... Ведь и сам Потемкин не устоял, хотя и удержался, но это не помешало другим... Римский-Корсаков и еще...

Проворов прищурился, и ему с такою ясностью представилась полная возможность его возвышения, что, казалось, вот придет утро, и все будет именно так, как ему хочется. Он повернулся к окну и увидел, что утро давно уже пришло. Сквозь спущенную на окне занавеску светило яркое солнце, а под приподнятым ее краем виднелась яркая зелень, тонувшая в золоте лучей, и слышалось несмолкаемое щебетанье птиц.

V

Проворов спустил ноги с постели, нашел ими туфли, накиннул на себя голубой шелковый китайский халат, запахнул на груди плюющую оборку распашной рубашки, подошел к окну и отдернул занавеску.

На него пахло свежестью, бодростью и светом раннего летнего северного утра, девственность которого еще не нарушена людскою суетой, говором и прозою. Он вдохнул воздух полной грудью и, сам себе улыбнувшись, круто повернулся и остановился.

Перед ним стоял в дверях высокий, сухой, бритый, в коричневом французского покроя кафтане человек весьма почтенной наружности.

Первое, что пришло в голову Проворову, было, что незнакомец попал к нему ошибкою, зайдя не туда, куда ему было нужно. Но тот сейчас же, как только Проворов обернулся, поднял правую руку и сделал знак, значение которого было известно Сергею Александровичу. Это был знак одной из высших степеней масонской иерархии.

Проворов, как неофит, то есть ожидающий посвящения, должен был ответить тоже условным знаком, состоявшим в том, что ладонь левой руки прикладывалась ко лбу в свидетельство полного повиновения и послушания. Ему было сказано, что где бы и при каких условиях он ни находился, он не должен удивляться появлению брата высшей степени, обнаруживающего себя, и немедленно подчиняться ему беспрекословно. Но он никак не ожидал, что подобная встреча может произойти у него в комнате утром, пока он не успел даже привести себя в порядок.

– Простите, я не одет, – пробормотал Сергей Александрович, ответив условным знаком, и добавил: – Позвольте узнать, с кем я имею честь?

Вошедший улыбнулся одними губами, а его глаза продолжали строго и испытующе смотреть, когда он ответил:

– Да, сейчас видно, что вы – неофит и очень мало знакомы с обычаями братьев вольных каменщиков. Видите ли, раз старший обнаружил себя знаком, младший, ответив ему тем же, не должен уже спрашивать, кто он и что он, а просто повиноваться ему. Но вам я, пожалуй, скажу, кто я. Я – тот, который должен посвятить вас в первую степень братства.

Об этом Проворов был тоже предупрежден: брат высшей степени должен был принести ему посвящение совершенно неожиданно, в ту минуту, когда будет найдено, что он, Проворов, достоин этого. Теперь, значит, случилось это, и он, вероятно, был признан достойным.

– Простите, – пробормотал он, – но все это так вдруг... Мне не спалось всю ночь... я невольно полюбопытствовал, тем более что я не у себя дома, а в дежурном помещении дворца. Здесь иногда бывает строго: меня могут спросить, кто ко мне заходил, и я должен знать, что ответить.

Незнакомец опять улыбнулся.

– Вы правы, хотя я, как видите, имею свободный вход во дворец и, значит, меня здесь достаточно знают. Но хорошо! Если спросят, кто был у вас, ответьте: «Доктор Август Герман». А теперь сядемте и поговорим. – И он показал Проворову на свободный стул у стола, а сам сел на маленький диванчик, перед которым стоял стол. – Вы говорите, – начал он не торопясь, – что вам не спалось всю ночь, вы мечтали?

– Я не сказал, что я мечтал, – возразил, смущаясь, Проворов.

– А я говорю вам, что вы мечтали. Вы недовольны своей жизнью, вам хотелось бы большего; вы думаете, что способны занять место, предназначенное судьбою своим избранныкам... Не так ли? И вы об этом волновались всю ночь, проведя ее без сна, – и доктор остановился, как бы желая посмотреть, какое впечатление произвело на молодого человека столь подробное чтение его мыслей. – Вы видите, – заключил он после некоторого молчания, – что нам, вашим старшим братьям, известно не только все, что вы делаете, но даже то, что составляет ваши сокровенные думы и замыслы.

Сергей Александрович слегка усмехнулся.

– Ну, что касается настоящего случая, то узнать вам, о чем я думаю, не представляет особенных затруднений. Это сделал бы всякий человек, умеющий рассуждать и делать выводы из соответствующих обстоятельств.

– Что вы хотите сказать этим?

– Что вы видите во мне молодого человека, который не спал ночь, а если не спал ночь, то, значит, думал о чем-нибудь, потому что лежать без сна и ни о чем не думать невозможно. Будь я бледен, худ и измучен, вы могли бы предположить, что я не сплю ночи от несчастной любви, что мне не отвечает взаимностью мой предмет, и я безнадежно вздыхаю и тоскую. Но я, как видите, здоров, румян и крепок, и вовсе не похож на влюбленного. Ясно, что меня занимает что-то совсем другое. Ну, а о том, что именно это «другое», догадаться нетрудно: я молод, мне хочется полной жизни в свое удовольствие, как и всякому, кто молод, и поэтому немудрено, что я мечтаю о том, как было бы хорошо, если бы моя жизнь сложилась так, как мне этого хочется.

– Вы рассуждаете недурно, и главное – совершенно правильно, – заметил доктор. – Это делает вам честь и облегчает мой дальнейший разговор с вами. К своему удовольствию, я вижу, что братья вольные каменщики не ошиблись, указывая мне на вас. Вы – именно вполне подходящий для нашего дела человек.

– Для «вашего» дела? – переспросил Проворов. – Могу я узнать, в чем оно заключается?

– Ни в чем особенном... только в том, чтобы пользоваться всюю всеми теми благами жизни, о которых вы так горячо мечтали в течение сегодняшней бессонной ночи.

- Что ж, на это всякий согласился бы с удовольствием.
 - Ну еще бы! Вы знаете из правил и тезисов, открытых уже вам братом, вашим руководителем, что человек сам – кузнец своего собственного счастья.
- Доктор замолк и пытливо уставился на Проворова.

VI

По правилам масонов к каждому неофиту приставлялся брат-руководитель, который следил за ним и мало-помалу посвящал его в тайны герметических наук, сообщая ему тезисы, изречения и правила и помогая толковать и понимать их. Был такой руководитель и у Проворова, и последний вспомнил, что тот, между прочим, указывал, как на одно из существенных правил, тезис: «Человек – кузнец своего счастья», то есть тот тезис, который привел сейчас доктор Герман в разговоре с ним.

– Это, конечно, так, – уверенно проговорил Сергей Александрович, – но я понимаю этот тезис так: человек является в том смысле кузнецом своего счастья, что должен заслужить свою жизнь, своими деяниями это счастье, и если заслужит, то есть скует себе счастье, то достигнет его, а нет – тогда сам виноват.

– Что же, это, может быть, правдоподобно, – загадочно произнес доктор Герман.

– Но вот видите ли, – начал Проворов, покачивая головой, – во-первых, мне кажется, что, пока я буду «заслуживать» себе счастье, пройдет столько времени, что и молодость моя – самое лучшее время – минует, и счастье придет, когда им и пользоваться уже не захочется, а во-вторых, почему, в самом деле, я должен как-то там заслуживать или ковать свое счастье, а другие в то же самое время без всякого со своей стороны труда или забот пользуются всем в свое удовольствие?

– Рассуждение тоже вполне правильное, – одобрил доктор, – и потому-то толкование, которое вы привели и которое я только что назвал «правдоподобным», существует лишь для неофитов и для людей, не умеющих рассуждать и видеть ясно, где их выгода. Но посвященные должны рассуждать иначе.

– Иначе? Да разве может существовать в данном случае еще иное толкование?

– Отчего же нет? На то и существует сила нашего братства вольных каменщиков. В обычном круге все эти собственные заслуги и самосовершенствование составляют необходимую принадлежность так называемой мещанской добродетели или буржуазной морали, вращающейся в отвлеченности, но мы, вольные каменщики, даем нечто всегда определенное нашим братьям, получающим посвящение в степени. Вы желаете счастья, мы вам дадим его, если вы в свою очередь будете исполнять, то, что мы потребуем.

– Позвольте! Какое же счастье вы дадите мне? – задал вопрос Проворов.

– Да то, какое вы себе желаете: богатство, почет, силу, власть.

– Когда?

– Очень скоро... во всяком случае, скорее, чем вы можете думать и желать.

– И что за это я должен делать для вас?

– Только слушаться и исполнять наши приказания.

– Но в чем ручательство, что вы исполните то, что обещаете?

– Да в том, что мы не потребуем от вас ничего до тех пор, пока вы не получите всего, обещанного вам. Сейчас вы бедный секунд-ротмистр, что вы можете дать нам? Подумайте! Но когда вы станете на место, которое предуготовано для вас нами, вы будете сильны, влиятельны, и через вашу силу и влияние мы можем действовать. Вот и все! Будьте послушны, и вы составите себе счастье, сделаетесь кузнецом его для себя, как посвященный. Поняли?

– Но какое же это место?

– Вы, разумеется, слышали, что Дмитриев-Мамонов не сегодня-завтра должен потерять значение.

– Дмитриев-Мамонов? Неужели?

– Он влюбился в княжну Щербатову и сделал ей предложение. Как только это станет известным, он будет немедленно удален, и место его освободится. Хотите занять его?

Проворов откачнулся. Дух занялся у него. Ведь было сказано вслух то, о чем он мечтал всю ночь в недосыгаемых, как казалось на самом деле, грезах.

– Мне занять его место? – протянул он. – Но разве это возможно? Ведь для этого необходим случай, слепой случай, стечение самых разнообразных обстоятельств.

– Что многим непосвященным кажется часто случаем, то на самом деле бывает очень хитрым и точным расчетом и является результатом целого ряда совершенных одно за другим действий.

– И кто же может направить действия для данного случая?

– Братья-каменщики, масоны, если вы захотите вполне подчиниться им.

Проворов задумался, а затем произнес:

– Вы требуете от меня безусловного повиновения?

– Безусловного.

– Но, конечно, в пределах, ограничиваемых вопросами чести и порядочности?

– Без ограничения какими бы то ни было пределами.

– Как? Вы требуете от меня, чтобы я забыл о чести и правде?

– Все это – слова, не имеющие под собой реальной почвы, условности. Кто посмеет напомнить вам обо всем этом, когда вы будете на той высоте, куда не может достигать искусственно нагроможденная людьми пирамидка этой мещанской, как я вам уже сказал, добродетели?

– Но эдак вы, пожалуй, потребуете, чтобы я предал вам родину.

– Чего бы мы ни потребовали, вы должны безусловно исполнять. Вы говорите: «Родина!» Что такое родина, когда мы должны думать не о пользе того или иного народа, а о пользе всего человечества?!

– Но эта польза всего человечества разве не такая же отвлеченность, как и то, что вы называете мещанской добродетелью?

– О нет, я говорю о реальной, действительной пользе всего человечества.

– Подразумевая под этим именем «всего человечества» братьев-масонов?

– Кого бы ни подразумевал я, это – вопрос второстепенный. Мне нужен от вас решительный ответ на наше предложение. Желаете вы стать на место Мамонова и подчиниться нам, пользуясь всеми благами и прелестями жизни, или нет? Я думаю, что колебаний с вашей стороны быть не может. Выбор слишком ясный...

VII

Проворов молчал, погруженный в глубокую задумчивость, а затем спросил доктора Германа, поднимая голову:

– Скажите, пожалуйста, для кого работают вольные каменщики и кто руководит ими в тех тайниках, откуда получается направление их деятельности?

– Друг мой, такого наивного вопроса я не ожидал от вас! Общество масонов, или вольных каменщиков, есть тайное общество, и в этом его сила и значение; поэтому все, что касается его действий, его иерархии и внутреннего распорядка, не может быть «девульгировано» или разглашено, чтобы стать достоянием толпы. Низшая степень, в которую вы будете посвящены, может знать одного лишь старшего брата, от которого получает распоряжения и наставления,

ват и все. Что же касается вопроса, для кого работают вольные каменщики, то это вы знаете и без меня: для света и истины!

Проворов опять покачал головою.

– Все это – не то. «Свет и истина» – понятия неопределенные, отвлеченные, и, чтобы решать вопросы, касающиеся их, не нужно ничего материального. Между тем вы предлагаете мне материальные, то есть вещественные, блага и желаете, чтобы за это я выказал полное повиновение. А между тем то положение, которым вы меня соблазняет, даст мне огромную власть. От меня будет зависеть даже, может быть, до некоторой степени судьба России.

– Да, это возможно, если вы выкажете больше воли, чем Дмитриев-Мамонов.

– Да, я выкажу ее, эту силу воли, но ведь тогда, если я буду беспрекословно подчиняться братству вольных каменщиков, выйдет, что судьбою России будут распоряжаться через меня масоны?

– Не все ли вам равно, если все почести, и все могущество, и все радости власти будут предоставлены вам?

– Нет, не все равно. Это пахнет какою-то нехорошей сделкой. Ведь, попросту говоря, вы хотите, чтобы я стал слепым орудием совершенно неизвестных мне тайников, желающих ни более ни менее как хозяйничать в России! А ведь она для меня является родиной! Почему я знаю, какие цели у этих тайников? Может быть, они враждебны России, и окажется, что, пользуясь всеми вашими вещественными благами, я буду ежеминутно продавать свое отечество. Да никогда этого не будет! Нет, обещайте мне все, что вам угодно, хоть звезды с небес снимайте, я не соглашусь на такие условия.

– Насколько я могу понять, вы отказываетесь от сделанного вам предложения осуществить те мечты, которым вы только что предавались?

– В своих мечтах я никогда не был предателем.

– Зачем опять эти высокопарные выражения? Не в них дело. Вопрос в том, желаете ли вы получить то, о чем вам мечталось, или нет?

– Конечно, желаю, доктор.

– Ну, тогда что ж тут разговаривать? Сделайте над собой маленькое усилие и получайте.

– Но я не желаю, чтобы мне ставили какие-то условия, чтобы меня «покупали», чтобы от меня требовали исполнения тайной чужой воли! На это я никогда не пойду!

– Но ведь даром ничего не дается, ведь если человек сам – кузнец своего счастья, то должен же он хоть что-нибудь делать, чтобы ковать свое счастье.

– Кузнец, да! – горячо воскликнул Проворов. – Но не предатель. Я повторяю это слово, хотя оно вам и не нравится.

Доктор встал и совершенно бесстрастно и спокойно произнес:

– Итак, вы отказываетесь наотрез?

– Безусловно.

– Подумайте, потом может явиться сожаление. Стоит ли ваше настоящее упрямство тех огромных выгод, которых вы хотите лишиться себя?

Проворов тоже встал и решительно ответил:

– Довольно! Я никогда не соглашусь на ваши условия. Его тон доказывал, что он не хочет больше продолжать этот разговор, и он был уверен, что доктору Герману ничего больше не остается, как немедленно уйти. Однако этого не случилось.

– Мне очень приятно, – сказал он, снова опускаясь на диванчик и снова кладя ногу на ногу, – что вы выдержали испытание.

– Какое испытание?

– Не предупреждали ли вас о том, что перед посвящением в степень вы должны будете подвергнуться испытанию?

– Да, помнится, брат-руководитель говорил что-то подобное.

– Несомненно, говорил. И вот прежде вашего посвящения я пришел, чтобы испытать вас. Поздравляю, вы блестяще выдержали иску.

– Да в чем же состоял он?

– Разве вы не понимаете, что те вещественные блага, которыми я соблазнял вас, и все мои заманчивые предложения являлись только средством, чтобы испытать вас? Если бы вы согласились на мои уговоры, то не были бы достойны высокого звания масона. Только люди, не поддающиеся постороннему влиянию и обладающие силой воли настолько, чтобы устоять перед всяким соблазном, могут быть посвящены в вольные каменщики. Для вас был применен трудный иску, вы его выдержали и теперь можете быть приняты в братство и посвящены в первую его степень. Но, согласись вы только сделаться «предателем», как вы выразились, никогда бы не видать вам посвящения. – Доктор встал, на этот раз, по-видимому, с тем, чтобы уйти, и проговорил: – А теперь до свидания, брат-руководитель сообщит вам, когда и где вы будете посвящены.

Вслед за тем он ушел.

Глава вторая

I

Проворов не торопясь стал одеваться, стараясь привести свои мысли в порядок, обдумать весь свой разговор с доктором Германом и разобраться в впечатлениях.

Общество масонов, в котором он числился неофитом и в первую степень которого он должен был быть теперь посвящен, никогда серьезно не интересовало его, и он относился к нему довольно легкомысленно. Он ни минуты не сомневался в том, что хорошо сделал, не согласившись на заманчивые предложения и честно сказав, что ни за что не станет бессловесным орудием посторонней воли.

Однако брат-руководитель предупреждал его, что послушание, выказанное по отношению к старшим братьям, сурово карается масонами. Теперь возникал вопрос: послушник он, Проворов, этой воли или нет?

Ведь он не согласился на то, что ему предложили. Положим, в конце концов доктор сам же отдал ему должное и сказал, что это было лишь испытание и что он даже вследствие этого испытания достоин быть посвященным в первую степень. Но что, как это – уловка только, и на самом деле он подвергнется гневу масонов за то, что перечил? Но тогда почему же посвящение в степень? И потом, что такое, в сущности, этот гнев масонов? Что они могут ему сделать?

Ишь ведь чего захотели! Поставят-де тебя ни более ни менее как на место Дмитриева-Мамонова, и делай ты все, что они укажут. Да, может быть, все это – просто враки, и они вовсе не имеют такой силы, чтобы возводить вдруг из ничего на недосыгаемую высоту, туда, где власть, почет и могущество? Для этого нужно иметь сверхъестественное могущество. Но вместе с тем ведь именно масоны старались уверить всех, что они имеют сверхъестественное могущество... А может быть, доктор Герман говорил все это действительно только с тем, чтобы испытать его?

В сети этих противоречий Проворов не мог найти выход, и чем больше он думал, чтобы распутаться, тем труднее было прийти к какому-нибудь определенному выводу.

Он оделся и пошел прогуляться, надеясь, авось ходьба освежит его, разъяснит мысли. Он долго бродил один бесцельно по парку, и – странное дело! – его вдруг стало неудержимо тянуть в сторону, где находилась так называемая Китайская деревня, то есть ряд построенных в парке домиков в китайском вкусе с причудливыми завитыми крышами, с оградами хитрого узора, с мостиками, охраняемыми фарфоровыми драконами, и с удивительно красивым, как бонбоньерка, изящным Китайским театром.

Эта Китайская деревня летом обыкновенно населялась придворными и являлась в данную минуту таким местом, которое своим многолюдством совершенно не соответствовало настроению Проворова. Ведь он отправился в парк с исключительной целью уйти от общества в дальние, мало посещаемые аллеи, чтобы никто не помешал ему предаться своим мыслям. Несмотря на это, его стало неудержимо тянуть в Китайскую деревню, и, сам не отдавая себе отчета, почему он это делает, он повернул туда и зашагал уверенно, определенно, точно шел к какой-то заранее намеченной цели.

Проворов и прежде бывал в этой Китайской деревне, но лишь мимоходом и решительно никого не знал из живших в составлявшем ее ряде похожих один на другой домиков. Насколько он слышал, здесь помещались важные фрейлины, статс-дамы и несколько высоких чинов двора.

Сергей Александрович миновал мостик с сидящими и держащими фонари изваяниями китайцев и шел по чистенькой, вымощенной улице деревни. Она была совершенно пуста.

Проворов сперва несколько удивился этому, но потом вспомнил, что час утра был еще ранний, в особенности для людей, живших в Китайской деревне. И ему стало ясно, что именно потому ее улица погружена еще в сонную тишину, окна затворены и занавески на них тщательно спущены.

Он, в сущности, недоумевал, зачем он здесь, однако шел по улице.

Вдруг его словно толкнуло что в сердце – вот оно, и он остановился.

Бывают в жизни такие предчувствия, такие совпадения. Сергей Александрович услышал стук распахнувшегося окна, поднял глаза и остановился. Пред ним в раскрывшемся окне, отдернув кисейную занавеску, стояла молодая девушка, как утро, прекрасная и, как утро, девственная. Она смотрела прямо на него, и не было сомнения, что для него именно распахнула и окно и, очевидно, желала заговорить с ним.

II

Душой, всеми чувствами своими ощущал Проворов, что эта девушка, вдруг появившаяся в распахнувшемся окне домика Китайской деревни, именно для него показалась и что миг этот таков, что он не забудет его никогда. Но в то же время разум говорил ему, что это – сумасшествие, что незнакомая ему девушка, да еще такая, равной по красоте которой он не встречал в своей жизни, не может на самом деле знать заранее о его случайном появлении на улице Китайской деревни и отворить окно для него, чтобы заговорить с ним.

Все это мелькнуло в его сознании быстрее молнии, и он хотел пройти мимо, считая неприличным останавливаться в упор перед открытым окном незнакомого дома. Но девушка, поняв его намерение, кивнула ему головой и сделала призывный жест рукой.

– Вы зовете меня? – спросил он, веря и не веря своим глазам.

– Да, вас, – ответила она. – Вас ведь зовут Сергей Проворов?

Теперь уже не было никаких сомнений, и он кинулся к окну.

– Тише, – остановила его девушка, – не растопчите роз... с ними надо обращаться осторожнее.

Проворов глянул под ноги: у самой стены домика под окном, окаймленные газоном, росли кусты роз, которые он чуть не смял в своем стремлении.

– Простите... я... я ничего не понимаю, – мог только произнести он.

Они были совсем близко друг от друга, их разделяли лишь подоконник низенького домика и кусты роз под ним. Девушка наклонилась к нему еще ниже и быстрым шепотом проговорила:

– Остерегайтесь масонов. Сегодня они употребили свою обычную уловку против вас, пообещав возвести вас в степень за то, что вы якобы выдержали испытание. На самом деле им таких, как вы, не надобно. Это обещание дано лишь для того, чтобы заставить вас молчать, но, не согласившись на их предложение, вы окончательно погубили себя в их глазах. Остерегайтесь!

Это было все. Не успел ошеломленный Проворов опомниться, как окно перед ним захлопнулось, белая занавеска за ним опустилась, и наступила снова такая тишь, что Сергей Александрович слышал, как билось у него сердце.

Прежде всего ему пришло в голову поскорее отпрыгнуть от окна, чтобы не причинить какой-нибудь неприятности той, которая с явным самопожертвованием предупредила его и, вероятно, сделала это не без риска, потому что могла навлечь на себя со стороны масонов месть за разоблачение их тайн и уловок. Конечно, необходимо было удалиться как можно скорее. И, поддавшись этому первому чувству не самосохранения, а охранения этой девушки, за которую он уже готов был отдать свою жизнь, Проворов кинулся прочь и вскоре очутился на конце

деревни, где ее улица переходила в аллею парка с перекинутым над нею высоким китайским мостиком с беседкой.

Молодой человек ничего не мог сообразить и понять. Как все это случилось? Почему?

Девушка была так прелестна, что если бы Проворов встречал ее хоть где-нибудь прежде, он не мог бы забыть ее, но он ее не знал – значит, он видел ее в первый раз.

Иначе быть не могло. Встреть он ее раньше – он помнил бы ее, как вот теперь не забудет всю жизнь. Но если они до сего дня никогда не встречались, то каким образом могла она узнать его? А что она узнала его, доказано тем, что она назвала его по имени и фамилии.

«Она ведь так и назвала: „Сергей Проворов“», – повторял он, жмурясь и испытывая при этом неизъяснимое блаженство.

И каждый раз, как он закрывал глаза, перед ним во всех подробностях вставал образ молодой девушки в заколотой на плечах кружевной косынке и с голубой лентой, венком охватывавшей ее белокурые, припудренные и оттого казавшиеся пепельными волосы.

Ни о масонах, ни о том, какое отношение имела к ним эта девушка, и почему столь чудодейственно была осведомлена о его разговоре с доктором Германом (только что происходившем утром), и в силу каких причин сделала свое предостережение, рискуя быть открытой, Проворов не думал, умышленно отстраняя эти мысли, чтобы не отогнать ими того внутреннего восторженного созерцания прелести милого образа, который он нес в себе.

Молодой человек шел по аллее и радостно улыбался, и лицо его было таково, что встретивший его тут товарищ по полку ротмистр Чигиринский остановил его и спросил:

– Что с тобой? Чему ты так радуешься?

Проворов остановился и, широко раскрыв глаза, уставился на товарища, словно тот разбудил его и вернул от сна к действительности. Наконец он произнес:

– Ах, это ты!.. Что ты говоришь?

– Я говорю, чего ты так радуешься? Вид у тебя такой, словно ты только что получил двойное жалованье!

– Какое там жалованье. Со мной, брат, такое случилось... Да нет, после расскажу... отстань пока! – И, махнув рукою, Проворов стремглав помчался назад к Китайской деревне.

Чигиринский посмотрел ему вслед, покачал головою, понял, что тут дело идет по «влюбленной части», как он это называл, и, чтобы не показаться нескромным, повернул в другую сторону.

Между тем Проворов потому так вдруг кинулся назад к Китайской деревне, что встреча с товарищем и вопрос последнего вернули его к действительности и заставили упасть с седьмого неба на землю. Услышав человеческий голос, он сообразил, что никто ведь не может помешать ему сейчас же узнать, кто эта девушка; ведь стоит подойти к домику, в окне которого он видел ее, и спросить кого-нибудь из тамошних, и ему станет известна ее фамилия и кто она. И он побежал назад, уверенный, что это очень легко и просто.

Но когда он снова очутился на улице деревни, оказалось, что разобраться здесь очень трудно: все домики, стоявшие в два ряда по сторонам дороги или улицы, были одинаковы, похожи друг на друга, выкрашены все белой краской и имели пестрые крыши. И все эти крыши были загнуты одинаково причудливо, и под всеми окошками росли кусты роз. Наконец даже, во всех домах и на окнах висели внутри такие же белые кисейные занавески, как и в окне, раскрывшемся ему навстречу.

Сергей Александрович стал медленно переходить от одного дома к другому, но напрасно старался он взглянуть и припомнить – ему не приходило на память ни одной такой подробности, которая дала бы возможность с уверенностью сказать, что вот этот дом – именно тот, который он искал.

Он помнил лишь, что этот домик был посередине деревни и с правой стороны.

Долго ходил взад и вперед Проворов, и наконец ему показалось, что он нашел то, что искал, – он стоял перед домом, в окне которого видел «ее». Старый садовник, склонившись, собирал сухие листья у росших под его окном роз.

– Скажите, пожалуйста, кто живет в этом доме? – спросил его Сергей Александрович.

Садовник обернулся, пристально посмотрел на молодого человека и в свою очередь спросил:

– А вам на что?

– Мне нужно... Впрочем, если это – секрет, я не настаиваю.

Садовник, пристальнее прежнего посмотрев на него, проговорил:

– Нет, это – не секрет. Здесь живет фрейлина императрицы Малоземова.

Этот садовник был одет в немецкое платье, его бритое лицо, седые длинные волосы и соломенная шляпа обличали в нем иностранца; но, очевидно, он давно жил в России, потому что по-русски он выговаривал очень чисто и определенно.

В дальнейшие расспросы Проворов побоялся пускаться, тем более что главное, что ему было нужно, он знал.

«Малоземова, фрейлина Малоземова! – повторял он без конца. – Какая звучная, красивая фамилия».

III

Ротмистр Конного полка Чигиринский был известен всему Петербургу под именем просто Ваньки, как его по-приятельски звали все, потому что он со всеми был приятелем. Известен же он был главным образом своими кутежами и скандалами; они были грандиозны и исключительны, но сходили ему с рук, так как он умел обставлять свои выходы настолько остроумно, что, собственно, к нему нельзя было придраться.

Последний раз, например, он замариновал генерала.

Чигиринский кутил с товарищами в загородном трактире, «Красном кабачке», где пили тогда шампанское ящиками. Вдруг к ним пристал какой-то, по-видимому приехавший из провинции, чтобы повеселиться в Петербурге, генерал, бывший до некоторой степени навеселе. Он стал читать молодым людям назидание о том, что вино, мол, есть враг и приносит вред, и пить его не следует.

Чигиринский встал с бокалом в руках и произнес ответную речь, в ней он заявил, что он и его товарищи настолько тронуты словами его превосходительства, что решили бросить кутежи и в ознаменование этого решения покорнейше просят его, генерала, разделить с ними их «последний стакан вина».

Генерал снисходительно принял предложение, и они напоили его до того, что раздели донага, уложили на бильярд, полили прованским маслом, посыпали зеленым луком и уехали. Когда генерал утром проснулся в замаринованном виде на бильярде, ему представили счет за выпитое шампанское и за испорченное бильярдное сукно.

Чигиринский был старшим товарищем Проворова и принадлежал к «старожилам», существующим во всех полках; они дослуживаются обыкновенно до чина ротмистра или майора и затем так и остаются до самой своей смерти, упорно отказываясь от дальнейших повышений и назначений, потому что с последними повышениями и назначениями обыкновенно связаны хлопоты и ответственность, которых нет в так называемых «чинах душевного спокойствия» – майора и ротмистра.

Вечный ротмистр Ванька Чигиринский был доволен своею судьбою, чином и самим собою и, казалось, ничего большего не хотел в мире. Для молодых офицеров, каким был Проворов, он являлся в полку оракулом, а для старших – уважаемым старожилом полка, знавшим

все традиции его и хранившим в своей памяти все полковые анекдоты и истории, большинства которых он сам был участником.

Сказать по правде, Чигиринский отлично умел себя держать со всеми, обладая редким врожденным тактом, благодаря которому владел сноровкой не докучать никому, и все его любили. Вследствие этого такта именно он и оставил в покое Проворова, встретив его в аллее у Китайской деревни и сразу заметив, что молодой человек находится не в себе. Он отлично знал, что Проворов к нему же придет, когда захочет, с изливаниями своих чувств.

Так оно и случилось. Вернувшись с прогулки, Сергей Александрович направился в комнату Чигиринского и застал его лежащим с высоко задранными на спинку дивана ногами и с трубкою в зубах.

– Ты знаешь, Чигиринский, со мною случилось нечто совершенно необыкновенное! – обратился Проворов к товарищу.

– Знаю! – процедил тот сквозь зубы, не выпуская из них трубки.

– Как? Ты знаешь, что произошло со мною?

– Нет, что именно произошло, я не знаю, но уже при сегодняшней утренней встрече с тобой увидел, что с тобою что-то произошло... Дело обыкновенное!

– Да нет же, совсем необыкновенное!

– Ну вот еще! Это тебе только так кажется, и все в твоём чине непременно испытывают то же самое. Пари держу, что ты влюбился и потому счастлив.

– Почему ты это знаешь?

– Потому что вид у тебя глупый, как у всех влюбленных.

Проворов посмотрел на товарища. Все слова, которые тот произносил: «влюблен» и прочее, были пустыми и ничего не выражающими в сравнении с тем, что он чувствовал, и он счел за лучшее замолчать и ничего не рассказывать. И, помолчав, он спросил только:

– Скажи, пожалуйста, могу я сегодня отказаться от караула? Видишь ли, мне всю ночь не спалось, и сейчас я в таком настроении, что не могу отоспаться и, боюсь, ночью не выдержу. Может быть, кто-нибудь заменит меня сегодня, а другой раз я за того отдежурю.

– Валяй! Кого-нибудь найдем за тебя.

– Вот и отлично! – Проворов помолчал и потом вдруг спросил: – Скажи, пожалуйста, ты не знаешь фрейлины Малоземовой?

– А-а, ее зовут Малоземовой?

– Кого «ее»?

– А вот ту, про которую ты спрашиваешь.

– Послушай, ты не имеешь права относиться так к...

– Постой! Не кипятись! Ты меня спрашиваешь, знаю ли я фрейлину, которую зовут Малоземовой. Я у тебя и переспросил это. Что ж ты сердишься?

– Да я не сержусь... но только... если бы ты знал... Впрочем, тебе не понять... ты сам никогда не испытал этого. Ты мне только скажи, знаешь ли фрейлину Малоземову или нет?

– По всей вероятности, знаю, потому что меня представляли, кажется, всем фрейлинам, но которая из них Малоземова, право, не помню.

– Как же ты не помнишь?

– Что ж, брат, делать? Не вели казнить – не помню.

– Ну а скажи, пожалуйста, где можно бы было встретить ее?

– Фрейлину-то! Да на любом балу. Вот теперь по случаю приезда светлейшего, вероятно, начнутся балы, маскарады и всякие празднества.

– Мы поедем с тобой?

– Отчего же не поехать? Поедем.

– Ну и отлично! А теперь я пойду к себе. Так насчет дежурства ты устроишь?

– Устрою.

Проворов был уже за дверью.

IV

Когда двор переезжал на лето в Царское Село, гвардейские офицеры, являвшиеся туда для дежурства, приезжали из Петербурга определенным от полка нарядом, то есть группую в несколько человек, останавливались в нижнем помещении Большого дворца и, ежедневно сменяясь, в определенное время ходили по очереди в караулы; затем на их место прибывал другой наряд от другого полка, и отбывшие свою очередь могли вернуться в Петербург. Возвращались солдаты походом, то есть верхом на лошадях строевой колонной, а офицеры – в собственных экипажах, так как у огромного числа гвардейских офицеров были собственные щегольские запряжки четверкой и даже шестеркой, цугом, кареты и коляски.

Проворов был из тех немногих, у кого не было ни того, ни другого, и ему приходилось пользоваться экипажем одного из товарищей, обыкновенно Ваньки Чигиринского. И теперь из Царского они ехали в Петербург в огромной, мягко качавшейся на рессорах карете и мирно беседовали. Сергей Александрович заговорил об интересовавшем его вопросе о масонах, о которых он до сих пор много слышал и кое-что знал в качестве неофита и с которыми ему пришлось столкнуться теперь непосредственно.

– Скажи, пожалуйста, – спросил он Чигиринского, – ты знаком с масонами, имеешь представление о них?

– Имею, – ответил Чигиринский, по своей привычке не выпуская из зубов короткой раскуренной голландской трубки.

– И что же ты о них думаешь?

– Да ничего особенного! По-моему, это – детская забава.

– Детская? Почему же детская?

– А вот помнишь, как бывало в детстве? Заберемся мы, ребята, со сверстниками куда-нибудь в сумерки в укромное место и начнем рассказывать страшные истории эдак полусшепотом; и станет и очень проникновенно, и жутко, и страшно, и ужасно приятно. И до того дорасказываемся, что замолчим и двинуться боимся.

– Да, я это помню. Мы, бывало, забирались в коридоре за шкафом на огромный сундук.

– Ну вот и масоны так.

– Тоже на сундук забираются?

– В переносном, конечно, смысле. Тоже главное у них – таинственность; в ней вся штука: будто что-то делают, ищут философский камень, строят храм Соломона, а на самом деле только и всего, что им под этим предлогом можно собираться в тайнике где-нибудь и сидеть и ощущать жуткость таинственности, как в детстве после страшных рассказов и сказок в сумерках.

– Но ведь у них обряды особые, заседания.

– Пустяки все! Все сводится к тому только, что я говорю.

– Ну а философский камень, а это мистическое строение Соломонова храма?

– Да к чему это нам, православным, заботиться о восстановлении и постройке Соломонова храма, когда у нас, слава Богу, возводятся христианские храмы открыто и всенародно?

– Но ведь Соломонов храм это – совсем другое.

– Вот потому-то я и говорю, что едва ли он нужен, если он, как ты говоришь, – «совсем другое», чем православный храм.

– Нет, я в том смысле, что масонский Соломонов храм – это отвлеченная философия, а не здание из дерева и камней.

– Батюшка мой, христианская религия, то есть наше православие, – такая философия, что никакой другой человеку и не нужно. В христианстве все есть, и все отвлеченное истолковано так, как нигде.

– Так ты думаешь, что нам, христианам, нечего заботиться о храме Соломоновом, когда у нас есть христианская церковь?

– Думаю и уверен в этом.

– Но ведь масоны не против христианства.

– Если они не против христианства, так почему же они не стараются держаться его исключительно, а выдумывают еще свое что-то особенное? И зачем делать какую-то таинственную, подпольную, секретную «работу», когда можно быть православным христианином совершенно открыто? Если масонство творит добро, то зачем все эти тайны, клятвы и все прочее? Хорошее и честное дело не нуждается ни в каких тайнах, его можно делать открыто, без всяких ночных заседаний с гробами, скелетами и стенами, завешенными черным сукном.

– Ты говоришь – гробами? Настоящими?

– Ну да! Вот такими, в каких мертвецов хоронят.

– Это интересно.

– Для ребят, которые хотят страхов и страшных историй, пожалуй, интересно, а по моему, просто смешно, глупо и даже скучно.

– А сам ты видел что-нибудь из этого или только знаешь понаслышке?

– Нет, я и сам видел. Ведь меня посвящали.

V

Карета продолжала катиться по мягкой, отлично укатанной и содержимой для проездов государыни дороге. Проворов быстро обернулся к Чигиринскому, спокойно тянувшему трубочку, и воскликнул:

– Как! Тебя посвящали в масонство?

Представление, которое он до сих пор имел о приятеле как о человеке беззаботно-легкомысленном, кутиле, вовсе не соответствовало тому, что он узнавал теперь о нем из разговора. Оказывалось, что Чигиринский не только обладал почти доходившей до гениальности способностью придумывать и устраивать во время кутежей умопомрачительные дебоши; у него был вполне ясный и рассудительный ум, «проникавший в глубокие области даже отвлеченности».

– Ну, что ж такое? – ответил Чигиринский. – И меня посвящали в масонство.

– Как же это случилось?

– Да очень просто. Меня стал обхаживать один из них – как это у них называется? – брат-руководитель, что ли, и стал поучать, что, мол, кто вступит в братство вольных каменщиков, тот обрящет на земле царствие небесное и все будет знать.

– И ты согласился?

– Я говорю, что из-за этого любопытства, насколько известно, Ева с Адамом погибли и что, значит, масоны разводят первородный грех по земле.

– А он что на это?

– Боже мой, как взвился! Стал и так, и эдак доказывать! А мне, в сущности, все равно; я больше спору, чтобы раздражить этого брата-руководителя.

– А он?

– А он изводится. Кончилось тем, что мне надоело разговаривать, и я замолчал. А он вообразил, что, значит, убедил меня, и стал еще упорнее предлагать мне посвящение.

– Ты согласился?

– Я согласился, но главным образом для того, чтобы посмотреть, что это у них за церемония. Ну вот, привели меня в обтянутую черным сукном комнату; семь свечей горят, на столе книга лежит, а по сукну серебряной канителью мертвые головы вышиты и скелеты.

– Страшно?

– Почему же страшно? Ведь это – такая же вышивка, как бабы красных петухов на полотенцах вышивают. У каждого своя мода: у масонов – мертвые головы, а у баб – красные петухи. Никакой разницы нет и ничего, разумеется, страшного. Огляделся я! Мне сказали, что здесь я должен сосредоточиться и остаться один. Я говорю себе: «Наплевать, где наша не пропадала», – вынул трубку, кисет, набил табак, высек искру, закурил. Выскочил тут на меня масон, вероятно, высочайшей степени, почтенный, сенатор один, да как всплеснет руками. «Ты, – говорит, – что тут делаешь?» – «Я, – говорю, – сосредоточиваюсь». – «Как же ты табачище палишь? Тут мистическими благовониями накурено, а ты табачный дым пускаешь. Неужели вся эта обстановка не приводит тебя в трепет?»

«Нет, – говорю, – не приводит». – «Ну, все равно, – говорит, – брось трубку и привыкни к лишениям». Трубку он у меня отнял, и мне это сильно не понравилось. Посидел я так один в суконной комнате, и скучно мне стало.

– Что ж ты делал?

– Да ничего не делал. Вошли наконец братья-каменщики. Курьез! Маскарад маскарадом – разодетые! Завязали мне глаза – из платка повязку сделали – и повели. Только, видишь ли, сукно-то, которое у них на стены было повешено, вероятно, у них от моли в табаке лежало – стало у меня в носу щекотать. Я и чихнул. Слышу, и еще кто-то чихает, потом еще. Тут я нарочно еще «аппчих»... Вышло весело.

– Воображаю!

– Торжественности никакой, да и таинственности мало.

– Ну еще бы! А тебя все ведут?

– А меня все ведут с завязанными глазами и ноги велют раскорячивать, потому что то правой я в какой-то квадрат должен вступить, то левой – в треугольник.

– Хороша у тебя, должно быть, фигура была в это время!

– Я и сам то же подумал, и стало мне так смешно и весело, что я уже не мог удержаться, взял да и отставил вдруг быстро правую ногу в сторону. На нее сейчас же и наткнулся ведущий меня с правого бока – да как грохнется! Я сделал вид, что страшно испугался, дернулся и приподнял повязку. Смотрю, а это я самому масону высочайшей степени, почтеннейшему сенатору, подножку закатил, и он растянулся на полу: парик у него свалился, голова плешивая... Так ничего из моего посвящения и не вышло.

– Ну и что же с тобою за это сделали?

– Да что же и кто может со мной что-нибудь сделать?

– Да ведь, говорят, масоны очень сильны; с ними нельзя ссориться, они отмстят.

– А чем они могут мне отмстить?

– Мало ли чем! Ты, значит, их не боишься?

– Вот вздор! Да что они могут мне сделать? Ничего у меня нет такого, что они могут отнять, и ничем они не владеют таким, что могли бы дать и что могло бы сделать счастливее, чем я есть...

– Значит, ты счастлив вполне?

– Я этого не сказал. Я только говорю, что масоны не могут дать мне ничего, что осчастливило бы меня.

– Они, говорят, властны дать ордена, чины, богатство.

– И прочую всякую чепуху, – подхватил Чигиринский. – Ну, мне этого ничего не нужно. Я вполне доволен тем, что у меня есть, и большего не желаю. Знаешь что, Сережка, поедем сейчас в «Желтенький»?

«Желтеньким» назывался тогда один из наиболее посещаемых загородных трактиров.

– А что ж, в самом деле, едем, – махнул рукою Проворов, – закатимся...

Они уже подъезжали к Петербургу. Чигиринский высунулся в окно кареты и крикнул кучеру:

– Пошел в «Желтенький»!

VI

На другой день с самого раннего утра, не выспавшись после сильного кутежа в «Желтеньком», Проворов стоял на полковом плацу и наблюдал за обучением солдат верховой езде. Это было скучно, а главное – утомительно. Приходилось ходить вместе с берейтором и вахмистром в центре круга, по которому тряслись солдаты на лошадях, и делать им замечания, как держать каблук, повод, руки.

Обучение солдат являлось самым неприятным из всей службы, и офицеры терпеть не могли этого занятия. Каждый из них старался отделаться, и заставить их являться на езду было очень трудно. Большею частью приходилось отдуваться тем, кто, подобно Проворову, жил в казармах и был, так сказать, под рукой. В полку происходили вечные истории по поводу того, что жившие на городских квартирах офицеры не являлись, и их товарищам волею-неволею приходилось заменять их, потому что полковой командир непременно требовал, чтобы солдатская езда происходила в присутствии офицеров.

Сергей Александрович, злой и раздражительный, кружился по плацу, когда приехал Чигиринский, знавший, что, вероятно, опять нет никого на солдатской езде. Несмотря на то что он вместе с Проворовым прокутил всю ночь в «Желтеньком», он был свеж и бодр, так как в этом отношении у него были удивительные выносливость и выдержка.

– А ты уже здесь! – удивился он, увидев Проворова.

– Да ведь надо же! – отозвался тот. – Из этих дармоедов опять никого нет. Сегодня очередь Платошки Зубова, и мне уже в шестой раз приходится выходить за него на плац. Ну уж я его серьезно допеку!

Чигиринский покачал головою и протяжно свистнул.

– Ну, брат, теперь Платошки Зубова и не достанешь!.. Он стал уже Платоном Александровичем.

– Кем бы он ни стал, все равно заставляя товарищей бегать по плацу вместо себя – свинство!

– Да ты пойми, что я говорю: Платона Зубова нет в Петербурге. Он, брат, в Царском Селе.

Чигиринский произнес это с таким ударением, что Проворов воскликнул, разведя руками:

– Да не может быть!

– Вот те и «не может быть»!

– Да как же это случилось?

– Очень просто. Он пошел в последнее дежурство нашего полка в Царском во дворец, и тут все решилось.

– Говорили, что участь Дмитриева-Мамонова была уже бесповоротна.

– И на его место попал Платон Зубов.

– Платон Зубов! – повторил Проворов. – Кто бы это мог подумать? Такой тихоня!

Действительно, Платон Зубов, такой же секунд-ротмистр, как и Проворов, отличался в полку чрезвычайно скромным поведением. Плохой служака, неважный ездок – щупленький и нежный, он держался более или менее в стороне от шумной жизни офицерства и проводил время главным образом за чтением сентиментальных книг и в особенности за игрою на клавесинах. Кажется, у него даже были очень порядочные способности к музыке. Но кроме этой склонности к тишине и музыке, за ним никаких достоинств не значилось. И вдруг он, эта ничтожность, попал в любимцы, занял место все сильного когда-то Орлова и даже самого великолепного князя Тавриды, светлейшего Потемкина! Уж и Дмитриев-Мамонов был нерешителен, а этот совсем казался никудышником.

– Да, уж что кому слепая фортуна предназначит! – проговорил Чигиринский. – Недаром ее рисуют с повязкой на глазах.

– Постой! – остановил его Проворов. – Ты говоришь, что он нес последнее дежурство нашего полка в Царском?

– Да.

– Значит, то самое дежурство, от которого я отказался?

– Да ведь в самом деле, ты ведь отказался, и пошел Зубов вместо тебя... Вот не знал ты... может, счастье предназначено было тебе.

– А разве ты думаешь, это было бы для меня счастьем?

– А ты этого не находишь?

– Видишь ли, теперь я могу сказать тебе: мне предлагали это счастье.

– Кто предлагал?

– Масоны.

– Что-о?

– Масоны следили за мной, потому что мой отец, как оказалось, был тоже масоном, и они мне покровительствовали.

– А потом?

– А потом ко мне явился некто и предложил мне стать на то место, куда попал теперь Зубов.

– И ты отказался?

– Видишь ли, они от меня требовали в случае успеха полного подчинения их воле, то есть чтобы я беспрекословно исполнял все то, что они захотят. Я понял, что это равносильно предательству, и отказался.

– И у тебя хватило духу?

– Да разве можно было поступить иначе?

– Да, брат, это верно – иначе нельзя было поступить... порядочному человеку. И ты – молодец, молодец! – воскликнул Чигиринский, как бы любясь своим приятелем. – Вот тебе моя рука, что ты – молодец! – И он крепко пожал Сергею Александровичу руку. – Хоть ты и от многого отказался, – добавил он затем задумчиво, – но судьба вознаградит тебя; ведь честные люди всегда в конце концов выигрывают и бывают счастливы уже потому, что на их совести нет никаких угрызений. Будущее вознаградит тебя.

– Может быть, я уже вознагражден в настоящем, – прошептал Проворов, отворачиваясь и краснея. – Ведь сейчас же после того, как я отказался от предложения масонов, я встретил, или, вернее, увидел, девушку.

– Ну, это, брат, – Месопотамия, амурная дребедень.

– Нет, Чигиринский, это – не дребедень, это, знаешь... это... что-то... невыразимое!

– Ну и не выражай, если «невыразимое»! Я с тобой о деле говорю.

Чигиринский никогда не придавал серьезного значения «амурной дребедени» и, как только речь с ним заходила о сердечных излияниях, начинал произносить вовсе неподходящие к случаю слова вроде «Месопотамия», «Кунигунда», «Агамемнон».

– Я с тобой дело говорю, – повторил он, – тут выходит занятное сопоставление. Ведь если тебе масоны предлагали свое содействие, то, может быть, и Зубов попал не без их участия, в таком случае они через него могут получить власть и значение.

– Ну, этого я не знаю.

– Это очень серьезно, и это надо выяснить! – озабоченно произнес Чигиринский.

Глава третья

I

Через две недели Платон Александрович Зубов из секунд-ротмистров был произведен в полковники и флигель-адъютанты.

Придворная жизнь оживилась, государыня повеселела, и снова начались празднества и балы, тем более что дела наши на юге России, где мы воевали тогда с Турцией, шли очень хорошо, и из армии курьеры то и дело привозили известия о победах.

В царскосельском парке, на большом пруду, был назначен большой бал на расположенном посредине его острове.

Танцевальный павильон на этом острове был красиво освещен разноцветными стеклянными шарами и уставлен тропическими растениями, среди которых горело множество тоже разноцветных лампионов. По пруду плавали лодки, увешанные фонариками, очертания берега обрисовывались тоже линиями лампионов. Вся эта масса огней отражалась в воде и создавала среди темной июльской ночи в роскошном парке поистине волшебное зрелище.

Гремела музыка. На острове, в танцевальном павильоне, играли попеременно один после другого три оркестра; кроме того, по пруду среди освещенных фонариками лодок с гостями ездил на большой барже хор рожечников, а по берегу в разных местах пели песенники гвардейских полков. На остров переправлялись на лодках и на бегавшем по канату ручном пароме.

Проворов явился на бал с единственной и главной целью быть представленным официально фрейлине Малоземовой. Как только он с Чигиринским вступил в разодетую толпу, заполнявшую все лужайки и дорожки у пруда, он стал приставать к приятелю, чтобы тот отвел его и представил фрейлине Малоземовой, а сам весь превратился в зрение, ища по сторонам ту, видеть которую снова было целью его жизни.

– Да, право, я ее и не помню как следует, – отговаривался Чигиринский, – нельзя же помнить всех фрейлин... Постой, вот в толпе вертится камер-юнкер Тротото; он, наверно, знает твою Малоземову. Ты знаком с ним?

– Ну еще бы! – воскликнул Проворов и кинулся, куда показывал Чигиринский.

Камер-юнкер Артур Тротото был известен всему Петербургу как один из щеголей, одетых всегда по последней моде и вообще посвященных во все тайны светской столичной жизни. Это был один из так называемых модников – «петиметров», худенький, тощий, вертлявый, юркий и до приторности любезный.

– Артур Эсперович, Артур Эсперович, – окликнул его Проворов, – на одну минуту!

– Ах, моя радость, мой милейший, – откликнулся тот, – как я счастлив встретиться с вами! Здравствуйте! Я прямо-таки благословляю судьбу, столкнувшую нас. Чем могу быть полезен?

– Вы знакомы с фрейлиной Малоземовой?

Тротото от радости стал даже подпрыгивать, как чижик перед кормом.

– Ну еще бы! Конечно, я знаком с фрейлиной Малоземовой.

– Представьте меня ей, пожалуйста.

– О, с большим удовольствием, с большим удовольствием! Она будет в восторге, она страшно будет рада. Пойдемте!

– Куда же надо идти?

– Конечно, на остров, в танцевальный павильон: очевидно, все фрейлины там. Конечно, если бы вы просили меня представить вас одной из этих прелестнейших дам нашей столицы,

было бы труднее отыскать их в такой толпе, но фрейлина Малоземова, наверное, в танцевальном павильоне, на острове.

И, говоря все время без умолку, Тротото тащил Сергея Александровича с таким видом, точно не он Проворову делает услугу, а тот ему самому делает услугу. Они пробрались к парому и в одну минуту были на шумном острове в толпе танцующих.

Проворов ни о чем больше не мог думать, как о том лишь, что сию минуту увидит ее; он тяжело дышал, и в его глазах все сливалось и мелькало.

Тротото притащил его к стене, где сидело несколько почтенных особ, и, обратясь к одной из них, произнес, словно воркующий голубь:

– Мой дорогой друг, офицер Конной гвардии полка Серж Проворов, умирает от нетерпения иметь счастье быть представленным вам.

Та, к которой подвел Проворова Тротото и представил, не имела ничего общего с обликом, неотступно преследовавшим Проворова. Сухопарая, немолодая, она не только казалась некрасивой, но принадлежала к тем, которые никогда и не были красивы – один нос ее, совершенно башмакообразный, чего стоил! – и к довершению всего на щеках ее виднелись следы давнишней оспы. Ее открытая шея с повязанной черной бархоткой была осыпана слоем густо наложенной пудры и морщилась. Лицо было жирно нарумянено, а глаза подведены так, как это делают старухи, потерявшие всякую меру в восстановлении своих прелестей путем красок и притираний.

II

Положение Проворова казалось до ужаса жалостным: в самом деле, он мечтал быть представленным красавице, и вдруг камер-юнкер Тротото подвел его к какой-то замаринованной мумии!

Но этого мало. Сергею Александровичу пришлось протанцевать с этой мумией вальс, потому что она, как только ей представили кавалера, выразившего столь ярое, по словам Тротото, желание познакомиться с ней, вся взволновалась и затрепетала от счастья и, быстро сложив веер, которым обмахивалась, вскинула ему руку на плечо. Проворову не оставалось больше ничего иного, как завертеться с нею в танце. Он не знал, что это был ее первый вальс за много десятилетий на придворном балу. Она вечно сидела у стены, и ее никто не приглашал. «Вывеска не позволяла», – как говорили шутники.

Фрейлина так обрадовалась, что наконец-то и у нее нашелся собственный кавалер, что, сделав с ним тур вальса, не удовольствовалась этим и повисла у него на руке, таща его в ту сторону, где на покрытом красным бархатом возвышении находилась государыня, окруженная важнейшими сановниками и придворными.

– Мсье Серж, мсье Серж, – повторяла она, крепко держа молодого человека под руку, – пойдемте, посмотримте нового фаворита Зубова! Вы видели нового фаворита Зубова?

И несчастный «мсье Серж» должен был идти с Малоземовой, пробираясь через толпу и между танцующих пар к месту, где была императрица и где был такой блеск от бриллиантов, золотого шитья мундиров, атласа и парчи, что слепило глаза и трудно было смотреть.

Дама Проворова утопала в блаженстве. Она, стараясь щебетать как птичка, без умолку тараторила:

– Вы видите старика? – Это Левушка Нарышкин... вы, конечно, знаете его. А там, молодой, это – князь Куракин, светило будущего царствования, любимец наследника. А вы знаете, наследника нет сегодня: отговорился болезнью и не приехал из Павловска. Но этого не заметили! Вон-вон, видите Зубова? По-моему, он, конечно, красив, но в нем нет ничего особенного. Есть люди гораздо красивее его.

Проворов увидел сидевшую в высоком золоченом кресле государыню с ее правильным строгим, величественным профилем и высокой, пудренной по старинной моде прической с бриллиантами в волосах и возле нее Платошку Зубова во флигель-адъютантском мундире с аксельбантами, заколотыми бриллиантовым аграфом. С лица он был все такой же розовый, с черными, как по нитке выведенными, бровями и пунцовыми сочными губками. Осанка же его и вся манера держаться сильно изменились. Теперь Зубов непринужденно стоял среди знатнейших персон, и великолепный сановитый Левушка Нарышкин как-то особенно любезно и почтительно склонился к нему, и все лица были обращены в его сторону с явно выраженной готовностью к услугам и преданности. Месяц тому назад никто и не взглянул бы на молодого скромного конногвардейского офицера, а теперь он являлся центром, к которому было устремлено все внимание блестящей придворной толпы.

– А вы могли бы быть на его месте! – услышал за собой чей-то голос Проворов и оглянулся.

Произнесенные слова он расслышал совершенно определенно и ясно, они были сказаны сзади у самого его уха, так что он даже почувствовал теплоту дыхания сказавшего, но, когда оглянулся, не мог заметить, кто это был. И сзади, и возле них, кругом двигалась толпа, и напрасно Сергей Александрович всматривался – никому, казалось, не было до него дела. Все были заняты, в особенности тут, возле возвышения, исключительно тем, что происходило на этом возвышении.

Впрочем, Проворов огляделся только мимоходом. Ни то, что ему шепнули, ни его похожая на мумию дама, ни вся эта роскошь, ни его недавний товарищ по полку в своем новом положении не могли отвлечь его внимание от того, что не давало ему покоя: он был уверен, что девушка, говорившая с ним из окна в Китайской деревне, должна была быть здесь, на балу, и хотел отыскать ее и увидеть во что бы то ни стало. И он смотрел, смотрел во все глаза кругом, чтобы увидеть ее, и внутренне желал только одного этого, и за это отдал бы навсегда и весь этот бал, и всех, кто был на нем. Но ее тут не было.

– Знаете что? Тут душно, позвольте отвести вас на воздух, – предложил он своей неотвязчивой даме.

– Ах, это великолепно! – обрадовалась та. – Именно, пойдемте на воздух! – И она рванулась в сторону двери.

Проворов последовал за нею, чтобы продолжать свои поиски и тайно надеясь, что ему как-нибудь все-таки удастся отделаться от мумии, поручившей себя его охранению.

В широких дверях павильона толпа сошлась воронкой, и тут образовалась серьезная давка. Проворова стиснули, и он должен был отпустить руку дамы, его подхватили течением и вынесли на свежий воздух. Последнее, что он слышал, был возглас томной мумии:

– Мсье Серж, я погибаю!

Но Проворов уже торжествовал свое освобождение, он очутился один и кинулся стремглав подальше от павильона, чтобы обегать все дорожки и осмотреть всюду, где были гости. Он переправился опять на пароме, и ему там снова попался камер-юнкер Тротото.

– Послушайте, кому вы меня представили? – накинулся на него Проворов.

Он сделал это так свирепо, что Тротото присел на своих бульонных ножках и, всплеснув руками, воскликнул:

– Ах, моя радость, вы меня совсем испугали и повергли в страх! Кому я вас представил? Но позвольте! Ведь вы сами просили меня представить вас фрейлине Малоземовой!

– Ну да, я просил вас представить меня фрейлине Малоземовой.

– Но ведь я так и сделал... Я увенчал ваше страстное желание.

– Но ведь я вовсе не той просил... Это – старуха какая-то!

– Ну, моя радость, другой фрейлины Малоземовой нет.

– Вы наверное знаете?

– Ну еще бы! Да это не только я, это знают все! – и в голосе камер-юнкера Тротото послышалась нотка обиды: как это кто-нибудь мог даже предполагать, что он и вдруг не знает всех фрейлин! – Фрейлина Малоземова, – продолжал он наставительно, – была пожалована на это звание еще при императрице Елизавете Петровне и с тех пор носит его с честью.

– Скажите, – перебил его Проворов, – она живет сейчас в Китайской деревне?

– Ну да, моя радость, в Китайской деревне.

– А с ней или при ней нет никакой молодой родственницы?

– О нет, наверное нет! Фрейлина Малоземова известна тем, что терпеть не может ничего молодого... То есть очень молодого. При ней живут две очень старые компаньонки, и, когда они выходят все вместе гулять с собачонками, про них Лев Александрович говорит, что вон «три парки гуляют в парке»...

Но Проворов уже не слушал, убедившись, что ту, которую он искал, зовут вовсе не Малоземовой и что она ничего общего не имеет с этой фамилией, и устремился искать ее дальше. Он обежал по несколько раз все дорожки, снова побывал на острове, заглядывал в павильон, где танцевали, снова кидался во все стороны и снова не находил той, которую страстно желал видеть и искал. Оставалось только предположить, что она не приехала на этот бал. Но почему?

То обстоятельство, что она жила в Китайской деревне, несомненно, значило, что она имела возможность быть и на балу, устроенном в парке, и если ее тут не было, то, очевидно, на это имелись какие-нибудь особые причины.

Кто она?

И этот вопрос стал перед Проворовым, разрушив все надежды и ожидания, которые, казалось, так легко могли быть осуществимы! Он, очевидно, ошибся домиком в деревне и вернулся не к тому, где жила его незнакомка, а к тому, где обитала фрейлина Малоземова.

Казавшаяся ему звучной и приятной фамилия Малоземова теперь, при воспоминании о той, которая носила ее в действительности, была ему неприятна, и он уже не находил в ней ничего звучного.

Проворов, уже разочарованный, направлялся к выходу, желая покинуть зал, как вдруг услышал:

– Серж, мсье Серж... вы меня ищете, меня? Я тут, я тут...

И, прежде чем он успел опомниться, у него на руке с резвостью семнадцатилетней девочки повисла фрейлина Малоземова.

III

Платон Александрович Зубов был третьим сыном Александра Николаевича Зубова, занимавшего в провинции не особенно значительное место вице-губернатора и управляющего именными генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова. Состояния у Зубовых почти никакого не было, и потому старику приходилось добывать средства частною службою, кроме казенной, для того чтобы воспитать и упрочить положение детей.

А их у него было довольно много: три дочери и четверо сыновей. Последние все служили на военной службе, помимо которой по тому времени нельзя было сделать карьеру, причем все молодые люди, искавшие счастья, старались устроиться в Петербурге, по возможности в гвардейских полках.

Старший из братьев Зубовых, Николай, служил в гвардии недолго, перешел в армию и сумел там обратить на себя внимание Суворова, с которым был в турецком походе. Следующие его братья, Дмитрий, Платон и Валериан, не последовали его примеру и продолжали оставаться гвардейцами, предпочитая жизнь в столице при дворе тягостям похода. Платон и Валериан служили в Конном полку и ничем не отличались от прочих офицеров вплоть до внезапного возвышения Платона.

Как это случилось, он и сам хорошенько не знал. Ни о чем он не мечтал, ни о чем не раздумывал. Родители определили его с братом в Конный полк и высылали им, сколько могли, денег на содержание. Жили они скромно, так как приходилось быть расчетливыми, должны понемножку, но в кутежи и попойки не втягивались, в особенности Платон. Делал он это не по высоте своих духовных качеств, а потому, что в равной мере с остальными богатыми товарищами кутить не мог; вследствие этого он предпочитал лучше вовсе не участвовать в их широкой жизни. Сидя, бывало, у себя за клавишами, он играл чувствительные мелодии и как будто чего-то ждал от жизни, но чего именно, сознательно не обдумывал.

И вдруг неожиданно-негаданно судьба поставила его на такую высоту общественной лестницы, о которой он и не мечтал. Своим возвышением он был обязан самому простому случаю, и никаких покровителей особенных, ни сложной интриги для того, чтобы выдвинуть именно его, а не кого-нибудь другого, не было.

Когда занимавший до него его место Дмитриев-Мамонов, по мнению всех, сделал непростительную глупость, влюбившись в княжну Щербатову и рискнув испросить у государыни разрешение жениться на ней, ближайšie к императрице лица, чтобы услужить ей, поспешили найти ему заместителя.

Попался под руку Платон Зубов на дежурстве, и они взяли его, потому что внешность его соответствовала тому, что было нужно.

Платон Зубов был обязан всем покровительству Марии Саввишны Перекусихиной, статс-дамы Анны Никитишны Нарышкиной и личного камердинера императрицы Захара Зотова. Эти три лица нашли в Платоне «подходящего паренька», потому что он был «тихенький», и «случай» его получил осуществление.

И «тихенький» Зубов стал на головокружительную высоту непредвиденно и неожиданно для всех. Пока прочили и гадали, кто займет место Дмитриева-Мамонова, и высчитывали, у кого из придворных есть «шансы», это место занял простой дежурный, двадцатидвухлетний секунд-ротмистр Конногвардейского полка.

Однако высота, на которую попал Платон Зубов, несмотря на всю свою головокружительность, не вскружила ему головы настолько, чтобы он потерял ее. Необщительный, не болтливый, а молчаливый и сдержанный обыкновенно и прежде, он теперь сделался еще более необщительным и сдержанным. Но нельзя было упрекнуть его при этом в неприветливости. Напротив, он глядел на всех как будто благосклонно и улыбался, но никто не мог с уверенностью сказать, что таилось за этою его благосклонною улыбкою. Он, казалось, улыбался и напоминал все кругом, и отмечал в своей памяти, кто и как к нему относится и кто ему нравится и кто нет.

Эта его манера держаться, в сущности, наиболее соответствовала тому положению, которое ему пришлось занять, и создавала вокруг него некоторый трепет. Разгадать Зубова сразу не могли и потому боялись. Это послужило к тому, что, в то время как его предшественник Дмитриев-Мамонов не пользовался никаким особенным вниманием и доказательством преданности со стороны придворных тузов (напротив, они играли на том, что они его поддерживают и помогают ему), Платон Зубов с первого же месяца своего возвышения был окружен искоманием, и его приемная с утра наполнялась видными сановниками и поседевшими на службе вельможами.

Те же, кто знал Платона Зубова ближе, например товарищи по полку, понимали, что его манера держаться происходит вовсе не от его ума и каких-нибудь особенных способностей, а, напротив, является следствием его ограниченной глупости, природной трусости и лени. Чигиринский давно заметил, что Платон Зубов молчит потому, что ему просто лень разговаривать, так как для какого ни на есть разговора нужно все-таки думать, а «Зубову думать нечем». Улыбаются же он потому, что привык казаться любезным, так как только любезностью и мог взять на положении молоденького и ничего не знающего офицера без средств и связей. И маска этой

улыбки так и осталась у Зубова, потому что он не умел придать никакого иного выражения своему лицу. Не совался же он в рассуждения и казался сдержанным потому, что в полку его столько раз товарищи сажали в дураках, дружно высмеивая его глупость, как только он совался с рассуждениями, что он предпочел раз навсегда сделать вид, что он – вовсе не дурак, а даже и очень себе на уме.

Но статности фигуры и миловидной красоты лица никто не отрицал у Платона Зубова. Что он – красавчик, все это находили и повторяли в один голос; это он и сам знал и щеголял своей красотой.

IV

Сознавая свою красоту, Зубов стал заботиться о ней особенно тщательно с тех пор, как попал в честь и знатность. С утра, пока в его приемной толпились важные сановники в ожидании чести быть принятыми, он посвящал свое время такому же уходу за собою, как могла это делать разве только молодая кокетливая женщина.

Того широкого размаха барственности и расточительной щедрости, которою отличался Потемкин, у Зубова и тени не было. Пышность и роскошь, которыми он окружил себя с первых же дней своего могущества, выказывали только его жадность и сквалыжничество. Несмотря на свою склонность к музыке, он и не думал покровительствовать искусствам, и ни один художник, ни один музыкант не был поощрен им. Он не приобретал ни картин, ни ценных вещей, выдающихся искусством отделки, но покупал себе необделанные самоцветные камни и прятал их в шкатулку, причем любимым занятием его было, открыв шкатулку, пересыпать камни из одной руки в другую.

Единственно, к чему еще имел кажущееся пристрастие Зубов, это к нарядам и к всевозможному платью, но и то потому, что это платье приносили и подавали ему помимо его заказов и распоряжений, так что ему оставалось только выбирать любое.

Все эти черты характера определились у Зубова очень скоро и, конечно, немедленно были подмечены окружавшею его челядью, приставленною к нему в качестве прислуги. Его парикмахеры, портные, камердинеры, выездные и дворецкие сразу угадали, как именно надо служить ему, и окружили его целою системой сплетен, наушничанья, доносов и шпионства. В глаза Зубову все старались, разумеется, аттестовать себя друзьями, а за глаза все ему были враги, потому что завидовали ему и злорадно мечтали о том, что он ведь может так же легко сойти на нет, как легко и неожиданно для всех возвысился.

Наблюдали и шпионили за ним, но подметить пока ничего не могли, потому что для Зубова слишком была заметна перемена между тем, что он был и что стал, и он слишком боялся упустить упавшее на его голову «счастье». Он боялся потерять это счастье и с трепетом душевным прислушивался ко всему тому, что ему нашептывали.

При дворе императрицы боролись тогда два течения, или две силы: влияние цесаревича Павла Петровича и своевластие светлейшего Потемкина. Все остальные маленькие стремления, подчас даже принимавшие облик значительности, все-таки так или иначе примыкали к одному из этих противоположных полюсов придворной петербургской жизни того времени.

Может быть, будь Платон Зубов умнее и пожелай рассудить и выбрать, кого и как ему держаться в его новом положении, он сбился бы, запутался бы и оказался бы не в силах разобраться в тех тенетах, которые плелись во дворце в ежедневных закулисных буднях. Но он не рассуждал и не раздумывал, а инстинктивно начал действовать, с чисто животным самосохранением огрызаясь в ту и другую сторону. А так как он находился ближе всего к источнику всех благ и милостей, то и имел возможность воздействовать. И мало-помалу как бы само собою образовалось третье течение – его, Платона Зубова, старавшегося без разбора сокрушить все,

что могло так или иначе вредить ему. При этом он не разбирал важного от неважного, действовал огулом, и в этом, пожалуй, был залог его успеха.

Зубов считал себя на такой высоте, где равного ему не может быть, так как всякий, кто смел рассчитывать сравняться с ним, тем самым становился его соперником, а этого было достаточно, чтобы он явился его злейшим врагом. Поэтому дружбы, всегда предполагающей союз равноправных, не могло существовать для Зубова. Он знал теперь людей, льстивших и пресмыкавшихся перед ним (их было большинство) и открыто выказывавших ему свое презрение. Таких было немного, но они все-таки существовали, и их особенно ненавидел Зубов.

Каждый день во время туалета, пока парикмахер тщательно занимался его прическою, подавали ему на золотом подносе груды писем и записок. Тут были приглашения на всевозможные балы, празднества, обеды, спектакли, так как все, разумеется, наперебой желали видеть у себя такую персону, какой стал Зубов, а многие нарочно тратили тысячи, чтобы задать для него пир. Затем здесь были просьбы и жалобы по самым разнообразным личным делам и, наконец, целый ряд анонимных писем с доносами, предупреждениями и всякими наветами, которые сочинялись либо ярыми интриганами, либо просто злыми людьми, рассчитывающими таким образом отмстить и разделаться со своими врагами.

Приглашения Зубов отбирал и сортировал, одни – отбрасывая, другие – оставляя. Просьбы и жалобы он разрывал не читая; что же касается анонимных писем с доносами, то их он тщательно собирал, прочитывал с большим вниманием и терпением и прятал в особый портфель, старательно и аккуратно прикладывая одно к другому те из них, которые относились к одному и тому же лицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.